

19-71-2-5

306
1918

Специальный номер
„ПРОЛЕТКУЛЬТЪ“.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 13

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 90 к. и на ст. жел. дор. 1 руб.

июнь 1918

О КУЛЬТУРѢ НАДО ЗАБО-
ТИТЬСЯ ТОЛЬКО
ЛЮДЯМЪ, ИМѢЮ-
ЩИМЪ ТОЧНОЕ
О НЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Рис. Ре-ми.

Гос.
Публичная
Б-ка
Ленинград

ВОЛЬТЕРЬ

Ре-ми

РУССКІЕ КАЛИФОРНІЙЦЫ.

Темная лѣтняя душная ночь тяжело висѣла надъ перелѣскомъ Чортова Лога, въ то время, когда выѣхавшій изъ Кривого Урочища дилижансъ во всю мочь летѣлъ къ оврагу Шайтана, влекомый четверкой сытыхъ, хорошо накормленныхъ, лошадей...

Дилижансъ уже проѣхалъ Три Дуба, уже сдѣлалъ поворотъ и помчался къ Соснѣ Висѣльника, какъ вдругъ за деревьями послышался какой-то шумъ, хриплые голоса, замелькалъ огонь смоляного факела, и на поляну выпала ватага молодцовъ... Было ихъ человекъ двѣнадцать, вооруженныхъ до зубовъ, мрачныхъ, рѣшительныхъ.

— Стой! — прогремѣлъ мощный голосъ. — Рѣжь постромки!! Вяжи кучера!!

И притаился темный лѣсъ, глядя на ночное черное дѣло.

— Тащи пассажировъ изъ дилижанса, — скомандовалъ предводитель. — Сколько ихъ? Четверо? Руки вверхъ, товарищи!

Извлеченныя изъ дилижанса женщины плакали, стонали и вопили о помощи; мужчины держались спокойнѣе; одинъ изъ нихъ, солидный бородачъ, вглядѣлся при невѣрномъ свѣтѣ факела въ предводителя, въ его помощника и вдругъ всплеснулъ поднятыми руками.

— Боже! Что я вижу! Луначарскій! Неужели вы дошли до этого?!

— Хо-хо-хо! — разразился грубымъ смѣхомъ Луначарскій. — Не время теперь растабарывать. Говорите, чего хотите: живота или смерти?

— Всѣ грамотные, — сумрачно отвѣтили пассажиры. Легкая зависть промелькнула на лицахъ красногвардейцевъ.

— Ишь ты, — вздохнулъ одинъ.

— Дайте вотъ этому крайнему журналъ, — скомандовалъ Луначарскій. Пусть — читаетъ.

Крайній пассажиръ взялъ въ руки журналъ и съ недоумѣніемъ прочелъ:

— „Пламя“, пролетарскій журналъ... Что же дальше?

— Все читай! — рявкнулъ Луначарскій.

— «Соціаль-предатели. Которые соглашатели и которые корниловцы это не тѣ, что скажемъ авангардъ русской революціи, который краса и гордость!..»

Это была незабываемая картина, полная дикой своеобразной красоты: на краю у оврага чернѣлъ массивный кузовъ дилижанса; на маленькой площадкѣ, окруженной столѣтними деревьями, сгруппировалась кучка людей, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, освѣщенная краснымъ свѣтомъ факеловъ; на поваленномъ бурей деревѣ сидѣли въ рядъ четверо плѣнниковъ, и одинъ изъ нихъ, близко наклонившись къ журналу, дрожащимъ голосомъ читалъ странно звучащія въ этой вѣковой лѣсной тиши строки: „о мелкобуржуазныхъ соглашателяхъ“ о „пролетарскомъ искусствѣ“ и о „саботажѣ интеллигенціи“.

На горизонтѣ, между деревьями, уже пока-

залась блѣдная полоска разсвѣта, когда пассажиръ кончилъ чтеніе „Пламени“.

— Все онъ прочелъ? — спросилъ Луначарскій у секретаря редакціи.

— Все прочелъ, масса.

— Онъ читалъ «Пламя»?

— Да, масса.

— Значитъ, онъ читатель «Пламени»?

— Да, масса.

— И другихъ, которые слушали, тоже можно считать читателями «Пламени»?

— Да, масса.

— То-то, — облегченно, полной грудью, вздохнули Луначарскій и секретарь. — Пусть же эти проклятыя буржуазныя газеты заткнутъ глотки и не кричатъ, что «Пламени» никто не читаетъ. Развяжите ихъ, пусть ѣдутъ...

Послѣ недолгой возни, кучеръ и пассажиры были развязаны, постромки исправлены, и дилижансъ, громохая, снова покачался къ Соснѣ Висѣльника.

— Четверо, — задумчиво прошепталъ Луначарскій, глядя въ слѣдъ дилижансу. — Да вчера сколько поймали?

— Шестерыхъ.

— Ого! Это, значитъ, за два дня на сколько поднялось количество читателей?

— Вдвое. До вчерашняго дня было только десять читателей, а нынче уже вдвое!!

— Еще года два такой работы и до тысячи читателей дотянемъ.

— Больше! Ежели каждый день по пол-десятка ловить, то и за всѣ три тысячи перевалить!

— Здорово! Значитъ, не пропадутъ зря народныя денежки... Неужели, они и теперь будутъ спорить, что пролетарская литература существуетъ?..

Стояли въ раздумьѣ, опустивъ протекляпныя головы. Свѣтало.

Арвадій Аверченко.

Всѣ путешественники, даже не сговариваясь, пожелали въ одинъ голосъ:

— Живота!

— Хо-хо-хо! — разнесся по лѣсу зловѣщій смѣхъ Луначарскаго. — Вы, я вижу, не дураки.

Въ такомъ случаѣ, вы должны исполнить то, что отъ васъ потребуютъ.

— О, возьмите у насъ все: деньги, брилліанты, — сказали, падая на колѣни, женщины, — только не убивайте насъ!

Было видно, какъ при свѣтѣ факеловъ глаза помощника сверкнули радостью; но Луначарскій сурово отстранилъ его и, сдѣлавъ широкій пролеткультскій жестъ, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Наше дѣло идейное!! Никакихъ денегъ. Эй, секретарь редакціи! Всѣ пассажиры связаны?

— Да, масса.

— Спротивляться не могутъ?

— Нѣтъ, масса.

— И убѣжать не могутъ?

— Нѣтъ, масса.

— Въ такомъ случаѣ, начнемъ. У кого журналъ?..

— У секретаря, масса.

— Это и плохо, что масса*), — сострилъ Луначарскій, раздражаясь горькимъ смѣхомъ. — Я предпочелъ бы, чтобы масса была не у секретаря, а у читателей!

И всѣ двѣнадцать дюжихъ сотрудниковъ тоже разразились хохотомъ.

— Итакъ, мы ваши плѣнники? — спросилъ солидный пассажиръ.

— Зчѣмъ такія громкія слова; вы теперь просто читатели моего журнала „Пламя“. Кто изъ васъ грамотный?

*) Масса — на языкѣ африканскихъ негровъ значитъ — господинъ.

ПРОЛЕТКУЛЬТЬ

(статья для энциклопедического словаря).

Пролеткультъ, сущ., мужск. рода.

Значение и происхождение слова пролеткультъ не очень ясно, и различные ученые приписываютъ этому слову то значение, которое вытекаетъ изъ его происхождения.

Нѣкоторые полагаютъ, что пролеткультъ это культъ пролета, т. е. пролетаріата, иначе говоря—обожествленіе всего пролетарскаго или отъ пролетаріата исходящаго. Въ этомъ смыслѣ наше время называютъ временемъ или эпохою пролеткультъа.

Но называютъ также нашу эпоху, эпохою пролеткультъа и ученые, полагающіе что реченіе пролеткультъ происходитъ отъ сочетанія слова культъ или культура со словомъ пролетъ и которые понимаютъ подъ выраженіемъ пролеткультъ—пролетъ или такъ сказать вылетъ (въ трубу, на-примѣръ) всякаго культа и всякой культуры. Эти ученые и выговариваютъ не пролеткультъ, а пролѣткультъ; къ этой школѣ примыкаютъ и ученые, производящіе значеніе пролеткультъ отъ предлога про, названія рѣки забвенія—Лета и существительнаго культъ (resp. культура). По ихъ мнѣнію слово пролеткультъ обозначаетъ такимъ образомъ погруженіе культуры въ Лету. Такимъ образомъ, по толкованію одной группы преподавателей,—дворецъ пролеткультъа есть зданіе, въ которомъ пролетаріатъ самъ себя поклоняется, а по толкованію другой—дворецъ пролеткультъа есть учрежденіе съ очень высокой и узкой трубой, въ которую вылетѣла культура. Въ наукѣ наблюдались еще попытки вывести значеніе слова пролеткультъ изъ сочетанія реченія культъ и пролетка. По этому толкованію, пролеткультъ есть культъ пролетки распространительно—культъ катанія на лихачахъ, имѣющій дѣйствительно въ настоящее время очень много послѣдователей среди пролетаріата, какъ и мотокультъ—т. е. культъ катанія на моторахъ.

Въ интересахъ полнаго обзора надо упомянуть и о совершенно произвольномъ, по нашему мнѣнію толкованію, въ силу котораго реченіе пролеткультъ производится отъ существительнаго пролетъ (пролетаріатъ) и прилагательнаго культъаппый.

Влад. Азовъ

ПРОЛЕТКУЛЬТНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Кто слышалъ, какъ ругаются пьяные цыгане на украинскихъ ярмаркахъ—тотъ многое слышалъ. Это нестерпимо жестоко, но виртуозно. Кто слышалъ даже легкую перебранку волжскихъ крючниковъ, тотъ, вѣрно, понимаетъ разницу между культурой запада и востока. Кто слышалъ, какъ стегая другъ друга кнутами, ругаются ломовые извозчики, долженъ былъ остановить свое вниманіе на невѣроятной гибкости русскаго языка и на необыкновенномъ отношеніи простого, неиспорченнаго культурой, русскаго человѣка къ предкамъ.

Но кто читалъ послѣднее обращеніе петроградскаго с. р. и к. д., тотъ долженъ былъ убѣдиться, что цыганамъ, крючникамъ и ломовымъ извозчикамъ надо просто спрятаться. Искусство ихъ превзойдено, баста! Они обыграны въ чистую. А крючники-то похвалялись, бахвалились. „Никто насъ переругать не можетъ. Такое загнемъ, что...“ Ань и ихъ переплюнули. Да какъ. „Отшвырните ногой негодяевъ!“, „гоните въ шею“ Совѣтъ просто, но какъ понятно. И удивляешься, чѣмъ отъутствуетъ классическій оборотъ—„а по мордѣ хочешь?“ Но хорошо то, что знаешь кто говоритъ и какъ именно, его звать.

Въ большой обидѣ волжскіе крючники будутъ, что искусство ихъ превзойдено. Жаль мнѣ ихъ—страшно.

Филимонъ Марадудинъ.

Меценатъ.

- Картина-то чѣмъ нарисована?
- Помилуйте! Масломъ.
- А масло-то... свѣжее? Сливочное? Или какой паршивый маргаринъ?..

ПРАЗДНИЧКИ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданій петроградскаго совѣта постановлено было переименовать Выборгское шоссе въ улицу Карла Маркса и Сампсоніевскій проспектъ—въ улицу Фридриха Энгельса.

Это не плохо.

Демократично, быстро и недорого. А передъ началомъ засѣданія государственнымъ оркестромъ и придворной капеллой исполненъ былъ „Реквиемъ“ Моцарта.

Слѣдующее особо-торжественное засѣданіе будетъ учинено въ честь нашихъ закордонныхъ друзей—Ледебуръ и Гаазе. Придворный оркестръ исполнитъ вальсъ „Невозвратное время“, а капелла что-нибудь уже повеселѣе. Переименованіе улицъ на этотъ случай такое—Французская набережная—Ледебуровская набережная и Англійская набережная („долой империалистовъ, о, позоръ, позоръ“) — набережная Гаазе. Читъ, такъ читъ.

Если вечерокъ свободный найдется—можно бы устроить и торжественное засѣданіе для чествованія бывшаго комиссара Дыбенко. „Добро пожаловать, мой сынъ“ спѣлъ бы Ершовъ, Геронимъ Ясинскій сказалъ бы о „новомъ срѣтеніи“, а государственный оркестръ исполнилъ бы „Барыню“.

Просто, но весело.

Федоровъ

ПРОРОКЪ.

Рис. Ре-Ми.

Мережковскій.—А, все таки, напрасно говорятъ, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ...

РУССКІЕ КАЛИФОРНІЙЦЫ.

Темная лѣтняя душная ночь тяжело висѣла надъ перелѣскомъ Чортова Лога, въ то время, когда выѣхавшій изъ Кривого Урочища дилижансъ во всю мочь летѣлъ къ оврагу Шайтана, влекомый четверкой сытыхъ, хорошо накормленныхъ, лошадей...

Дилижансъ уже проѣхалъ Три Дуба, уже сдѣлалъ поворотъ и помчался къ Соснѣ Висѣльника, какъ вдругъ за деревьями послышался какой-то шумъ, хриплые голоса, замелькалъ огонь смоляного факела, и на поляну выпала ватага молодцовъ... Было ихъ человекъ двѣнадцать, вооруженныхъ до зубовъ, мрачныхъ, рѣшительныхъ.

— Стой! — прогремѣлъ мощный голосъ. — Рѣжь постромки!! Вяжи кучера!!

И притаился темный лѣсъ, глядя на ночное черное дѣло.

— Тащи пассажировъ изъ дилижанса, — скомандовалъ предводитель. — Сколько ихъ?! Четверо? Руки вверхъ, товарищи!

Извлеченныя изъ дилижанса женщины плакали, стонали и вопили о помощи; мужчины держались спокойнѣе; одинъ изъ нихъ, солидный бородачъ, вглядѣлся при невѣрномъ свѣтѣ факела въ предводителя, въ его помощника и вдругъ всплеснулъ поднятыми руками.

— Боже! Что я вижу! Луначарскій! Неужели вы дошли до этого?!

— Хо-хо-хо! — разразился грубымъ смѣхомъ Луначарскій. — Не время теперь растабарывать. Говорите, чего хотите: живота или смерти?

— Всѣ грамотные, — сумрачно отвѣтили пассажиры. Легкая зависть промелькнула на лицахъ красногвардейцевъ.

— Ишь ты, — вздохнулъ одинъ.

— Дайте вотъ этому крайнему журналъ, — скомандовалъ Луначарскій. Пусть — читаетъ.

Крайній пассажиръ взялъ въ руки журналъ и съ недоумѣніемъ прочелъ:

— „Пламя“, пролетарскій журналъ... Что же дальше?

— Все читай! — рявкнулъ Луначарскій.

— «Соціаль-предатели. Которые соглашатели и которые корниловцы это не тѣ, что скажемъ авангардъ русской революціи, который краса и гордость!..»

Это была незабываемая картина, полная дикой своеобразной красоты: на краю у оврага чернѣлъ массивный кузовъ дилижанса; на маленькой площадкѣ, окруженной столѣтними деревьями, сгруппировалась кучка людей, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, освѣщенная краснымъ свѣтомъ факеловъ; на поваленномъ бурей деревѣ сидѣли въ рядъ четверо плѣнниковъ, и одинъ изъ нихъ, близко наклонившись къ журналу, дрожащимъ голосомъ читалъ странно звучащія въ этой вѣковой лѣсной тиши строки: „о мелкобуржуазныхъ соглашателяхъ“ о „пролетарскомъ искусствѣ“ и о „саботажѣ интеллигенціи“.

На горизонтѣ, между деревьями, уже пока-

Всѣ путешественники, даже не сговариваясь, пожелали въ одинъ голосъ:

— Живота!

— Хо-хо-хо! — разнесся по лѣсу зловѣщій смѣхъ Луначарскаго. — Вы, я вижу, не дураки.

Въ такомъ случаѣ, вы должны исполнить то, что отъ васъ потребуютъ.

— О, возьмите у насъ все: деньги, брилліанты, — сказали, падая на колѣни, женщины, — только не убивайте насъ!

Было видно, какъ при свѣтѣ факеловъ глаза помощника сверкнули радостью; но Луначарскій сурово отстранилъ его и, сдѣлавъ широкій пролеткультскій жестъ, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Наше дѣло идейно!! Никакихъ денегъ. Эй, секретарь редакціи! Всѣ пассажиры связаны?

— Да, масса.

— Сопротивляться не могутъ?

— Нѣтъ, масса.

— И убѣжать не могутъ?

— Нѣтъ, масса.

— Въ такомъ случаѣ, начнемъ. У кого журналъ?..

— У секретаря, масса.

— Это и плохо, что масса *), — сострилъ Луначарскій, раздражаясь горькимъ смѣхомъ. — Я предпочелъ бы, чтобы масса была не у секретаря, а у читателей!

И всѣ двѣнадцать дюжихъ сотрудниковъ тоже разразились хохотомъ.

— Итакъ, мы ваши плѣнники? — спросилъ солидный пассажиръ.

— Зчѣмъ такія громкія слова; вы теперь просто читатели моего журнала „Пламя“. Кто изъ васъ грамотный?

залась блѣдная полоска разсвѣта, когда пассажиръ кончилъ чтеніе „Пламени“.

— Все онъ прочелъ? — спросилъ Луначарскій у секретаря редакціи.

— Все прочелъ, масса.

— Онъ читалъ „Пламя“?

— Да, масса.

— Значитъ, онъ читатель

„Пламени“?

— Да, масса.

— И другихъ, которые слушали, тоже можно считать читателями „Пламени“?

— Да, масса.

— То - то, — облегченно, полной грудью, вздохнули Луначарскій и секретарь. — Пусть же эти проклятыя буржуазныя газеты заткнутъ глотки и не кричатъ, что „Пламени“ никто не читаетъ. Развяжите ихъ, пусть ѣдутъ...

Послѣ недолгой возни, кучеръ и пассажиры были развязаны, постромки исправлены, и дилижансъ, громыхая, снова покатился къ Соснѣ Висѣльника.

— Четверо, — задумчиво прошепталъ Луначарскій, глядя въ слѣдъ дилижансу. — Да вчера сколько поймали?

— Шестерыхъ.

— Ого! Это, значитъ, за два дня на сколько поднялось количество читателей?

— Вдвое. До вчерашняго дня было только десять читателей, а нынче уже вдвое!!

— Еще года два такой работы и до тысячи читателей дотянемъ.

— Больше! Ежели каждый день по пол-десятка ловить, то и за всѣ три тысячи перевалитъ!

— Здорово! Значитъ, не пропадутъ зря народныя денежки... Неужели, они и теперь будутъ спорить, что пролетарская литература существуетъ?..

Стояли въ раздумьѣ, опустивъ пролеткультяпныя головы. Свѣтало.

Арчадій Аверченко.

*) Масса — на языкѣ африканскихъ негровъ значитъ — господинъ.

ПРОЛЕТКУЛЬТЬ

(статья для энциклопедического словаря).

Пролеткультъ, сущ., мужск. рода.

Значение и происхождение слова пролеткультъ не очень ясно, и различные ученые приписывают этому слову то значение, которое вытекает из его происхождения.

Некоторые полагают, что пролеткультъ это культъ пролета, т. е. пролетариата, иначе говоря—обожествление всего пролетарского или отъ пролетариата исходящаго. Въ этомъ смыслъ наше время называютъ временемъ или эпохою пролеткультъа.

Но называютъ также нашу эпоху, эпохою пролеткультъа и ученые, полагающие что речение пролеткультъ происходитъ отъ сочетанія слова культъ или культура со словомъ пролетъ и которые понимаютъ подъ выраженіемъ пролеткультъ—пролетъ или такъ сказать вылетъ (въ трубу, на-примѣръ) всякаго культъа и всякой культуры. Эти ученые и выговариваютъ не пролеткультъ, а пролѣткультъ; къ этой школѣ примыкаютъ и ученые, производящие значение пролеткультъ отъ предлога про, названія рѣки забавенія—Лета и существительнаго культъ (герм. культура). По ихъ мнѣнію слово пролеткультъ обозначаетъ такимъ образомъ погруженіе культуры въ Лету. Такимъ образомъ, по толкованію одной группы преподавателей,—дворецъ пролеткультъа есть зданіе, въ которомъ пролетариатъ самъ себя поклоняется, а по толкованію другой—дворецъ пролеткультъа есть учрежденіе съ очень высокой и узкой трубой, въ которую вылетѣла культура. Въ наукѣ наблюдались еще попытки вывести значение слова пролеткультъ изъ сочетанія реченія культъ и пролетка. По этому толкованію, пролеткультъ есть культъ пролетки распространительно—культъ катанія на лихачахъ, имѣющей дѣйствительно въ настоящее время очень много послѣдователей среди пролетариата, какъ и мотокультъ—т. е. культъ катанія на моторахъ.

Въ интересахъ полнаго обзора надо упомянуть и о совершенно произвольномъ, по нашему мнѣнію толкованіи, въ силу котораго реченіе пролеткультъ производится отъ существительнаго пролетъ (пролетариатъ) и прилагательнаго культъапый.

Влад. Азовъ

ПРОЛЕТКУЛЬТНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Кто слышалъ, какъ ругаются пьяные цыгане на украинскихъ ярмаркахъ—тотъ многое слышалъ. Это нестерпимо жестоко, но виртуозно. Кто слышалъ даже легкую перебранку волжскихъ крючниковъ, тотъ, вѣрно, понимаетъ разницу между культурой запада и востока. Кто слышалъ, какъ стегая другъ друга кнутами, ругаются ломовые извозчики, долженъ былъ остановить свое вниманіе на невѣроятной гибкости русскаго языка и на необыкновенномъ отношеніи простого, неиспорченнаго культурой, русскаго человѣка къ предкамъ.

Но кто читалъ послѣднее обращеніе петроградскаго с. р. и к. д., тотъ долженъ былъ убѣдиться, что цыганамъ, крючникамъ и ломовымъ извозчикамъ надо просто спрятаться. Искусство ихъ превзойдено, баста! Они обыграны въ чистую. А крючники-то похвалялись, бахвалились. „Никто насъ переругать не можетъ. Такое загнемъ, что...“ А нъ и ихъ переплюнули. Да какъ. „Отшвырните ногой негодяевъ!“, „гоните въ шею“ Совѣмъ просто, но какъ по-нотно. И удивляешься, чѣмъ отъутствуетъ классическій оборотъ—„а по мордѣ хочешь?“ Но хорошо то, что знаешь кто говоритъ и какъ именно, его звать.

Въ большой обидѣ волжскіе крючники будутъ, что искусство ихъ превзойдено. Жаль мнѣ ихъ—страшно.

Филимонъ Марадудинъ.

Меценатъ.

— Картина-то чѣмъ нарисована?

— Помилуйте! Масломъ.

— А масло-то... свѣжее? Сливочное? Или какой паршивый маргаринъ?..

ПРАЗДНИЧКИ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданій петроградскаго совѣта постановлено было переименовать Выборгское шоссе въ улицу Карла Маркса и Сампсоніевскій проспектъ—въ улицу Фридриха Энгельса.

Это не плохо.

Демократично, быстро и недорого. А передъ началомъ засѣданія государственнымъ оркестромъ и придворной капеллой исполненъ былъ „Реквиемъ“ Моцарта.

Слѣдующее особо-торжественное засѣданіе будетъ учинено въ честь нашихъ закордонныхъ друзей—Ледебуръ и Гаазе. Придворный оркестръ исполнитъ вальсъ „Невозвратное время“, а капелла что-нибудь уже повеселѣе. Переименованіе улицъ на этотъ случай такое—Французская набережная—Ледебуровская набережная и Англійская набережная („долой империалистовъ, о, позоръ, позоръ“) —набережная Гаазе. Читъ, такъ читъ.

Если вечерокъ свободный найдется—можно бы устроить и торжественное засѣданіе для чествованія бывшаго комиссара Дыбенко. „Добро пожаловать, мой сынъ“ спѣлъ бы Ершовъ, Геронимъ Ясинскій сказалъ бы о „новомъ срѣтеніи“, а государственный оркестръ исполнилъ бы „Барыню“.

Просто, но весело.

Федоровъ

ПРОРОКЪ.

Рис. Ре-Ми.

Мережковский.—А, все таки, напрасно говорятъ, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ...

ТИХО НАДЪ АЛЬГАМБРОЮ

(пародія на ихъ благородія).

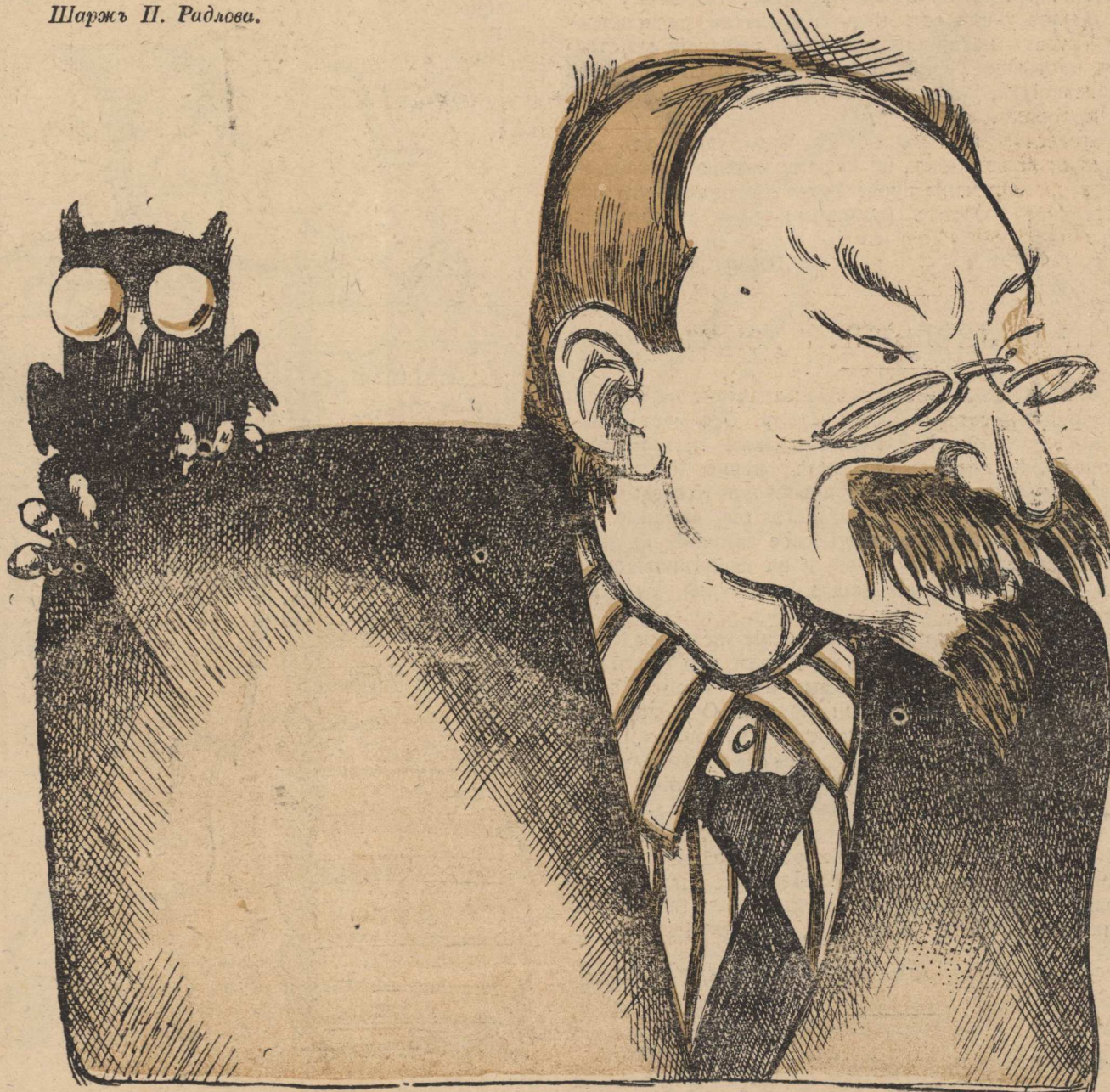
Тихо надъ столицею,
 Дремлетъ вся натура.
 Ломится въ амбицію
 Новая культура:
 „Что намъ ваши геніи?
 Да и ихъ-то много ль?
 Пушкины... Тургеневы,
 Лермонтовъ да Гоголь?
 Что сказали вѣскаго
 Корифеи слова —
 Вплоть отъ Достоевскаго
 И до Льва Толстого?
 Чго дала побѣднаго,
 Ясная Поляна
 Для Демьяна Бѣдчаго,
 Для Фомы Райляна?
 Что за развлеченіе —
 Мусоргскій и Глинка?
 Развѣ жъ это пѣніе?
 Такъ — одна волынка!
 Или, скажемъ, Мечниковъ,
 Это ваша цаца...
 Чго онъ для мѣщечниковъ?
 Для Камкова-Каца?
 И великолѣпна-а,
 Скажемъ не въ обиду,

Наплевать на Рѣпина
 Булюку Давиду.
 Полно пѣть, соловушки,
 Буржуазной марки.
 Попили вы кровушки
 Въ пролетарскомъ паркѣ.
 Къ черту ваши книжицы!
 Музыку, картины —
 Отъ аза до ижицы
 Обратимъ въ руины
 И передъ Европою,
 Распахнувъ натура,
 Создадимъ особую —
 Новую культуру.
 Разбираться строго ли?
 Люди мы простые:
 Дуй Райляна — въ Гоголи,
 Бразудя — въ Толстые.
 И въ одно мгновеніе,
 Съ званіемъ „баяна“,
 По декрету въ геніи
 Возведемъ Демьяна.
 Разными „частушками“
 Намъ грѣшить не гоже —
 Князевъ будетъ Пушкинымъ,
 Лермонтовымъ — тоже!

Ну, а какъ съ картиною —
 Вамъ Давидъ покажетъ:
 Онъ за рупь съ полтиною
 „Булюковъ“ намажетъ.
 Будетъ какъ въ Европѣ, рай —
 И Бернаръ и Сарра,
 Прогремимъ мы оперой
 „Жизнь за комиссара“.
 Наконецъ — съ наукою...
 (Жаль нужна кому-то!)
 Съ эдакою штукою
 Мы поступимъ круто:
 Счнемъ безъ протекціи
 Стороженка Киеу —
 Дуй, товарищъ, лекціи
 По сыпному тифу.
 Кстати, эпидемія
 Съ э-квклапомъ въ ссорѣ-съ.
 Vivat Ak demia!
 Viv t professores!
 Тихо надъ Альгамброю,
 Дремлетъ вся натура..
 Лѣзетъ въ замокъ Намбра
 Новая культура.

Владиміръ Войновъ.

Шаржъ П. Радлова.

А. В. Луначарскій: — „Уаъ, какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось до безчувствія любить изящную литературу: такъ-бы, говоритъ, и задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ. При встрѣчѣ съ культурой — опасенъ.“

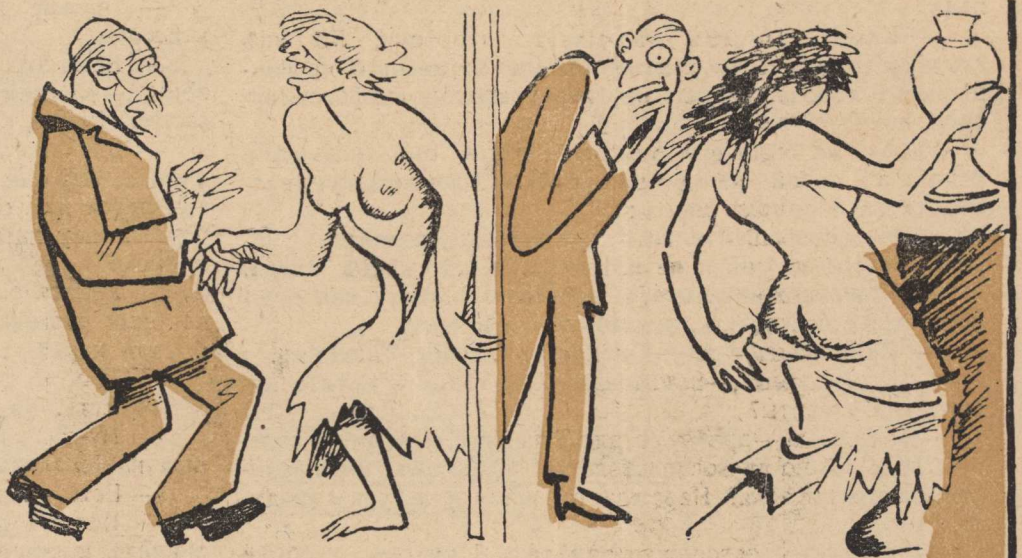

Лучачарский. — Искусство, слушай! По музеям гнить
Давольно. Перестань быть радостью буржуевъ.
Ты улицы святую жизнь почуявъ
Иное творчество должна теперь явить.

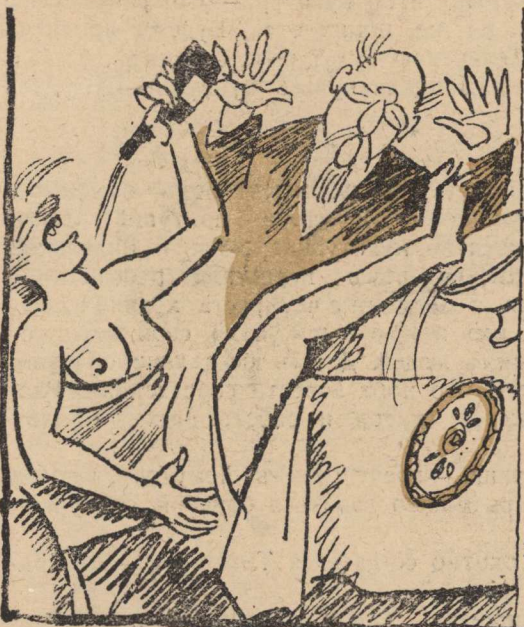
На улицъ искусство, но обидно
Искусству стало вдругъ, когда за то, что видно
Матрость ее щипнулъ, а лирныя рулады
Покрыли визгомъ нескія менады.

Могучь, прекрасень, гордь, какъ ночью Капитолій
Искусство ждалъ домой великіи Анатолій.
Чтобы блаженствомъ радостно упиться,
На пролеткультномъ ложъ съ нимъ соединиться.
Дверь настезь... видитъ онъ — нетвердою пятою
Искусство входитъ и рыгнувъ ханжею,

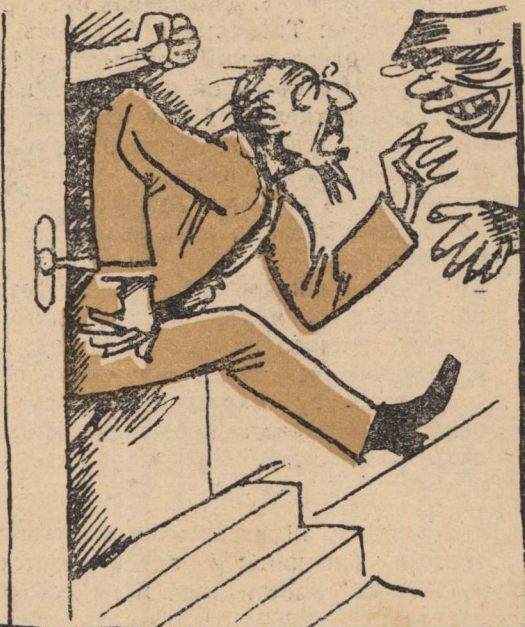
И трехэтажное исторгнувши изъ усть
Всеи пятерней скребеть свои грязный бюсть.
Потомъ Искусство стало на фарфоръ,
Смѣясь писать, что пишутъ на зароръ.
Но все-жъ, нѣжнѣйшихъ чувствъ почуявши приливъ,
Мой Анатолій взоръ къ Искусству устремивъ,

Хотѣлъ ее привлечь на мягкія подушки.
Искусство же вопя похабныя частушки
Кричало, — руки прочь... всему переоцѣнка!
За поцѣлуй не меньше, какъ „керенка“.

Не получивъ ее, всю мощь плебейской длани
Пстила въ холъ. И вотъ быстрѣ лани
Бѣжалъ изъ дома онъ, и вопіялъ онъ зычно, —
— Искусство, вижу я, теперь демократично!

М Е С Т Ъ С Т А Р О Й А К У Л Ы.

Фельетонъ Аркадія Бухова.

На большомъ океанскомъ пароходѣ „Докторъ Хупъ и его свояченица“ ѣхали по срочному дѣлу, съ порученіемъ отъ рязанскаго совдепа, въ Западную Австралію два самыхъ активныхъ руководителя „Пролеткульта.“ Не будемъ приводить непровѣренныхъ свѣдѣній изъ лгущей буржуазной прессы; намъ извѣстно только одно, что въ ночь на 21-ое Іюня вышеупомянутый пароходъ круто измѣнилъ свое рѣшеніе добратъ до намѣченного порта, немного повертѣлся на волнахъ, зарылся носомъ въ воду и пошелъ ко дну, со всѣмъ своимъ грузомъ, пассажирами, экипажемъ и даже бочкой испорченной солонины, которую все равно собирались выбросить.

Фамилии свѣточей новой классовой культуры, находившихся на пароходѣ, были такія: одного—Типакинъ, а другого Ломутовъ. Но не торопитесь, пользуясь этими незначительными данными, писать некрологи. Дѣло обстояло нѣсколько иначе.

* * *

Очутившись въ водѣ, товарищъ Типакинъ, какъ опытный марксистъ, для котораго матеріалистическое пониманіе исторіи всегда было ключемъ для пониманія самыхъ сложныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ, спокойно сказалъ:

— Кажется, черезъ двѣ минуты я потону, Во мнѣ столько воды, что ея хватило-бы для маленькаго провинціального города, даже не пережившаго варфоломеевской ночи.

Каково-же было его удивленіе когда онъ услышалъ рядомъ съ собой негодующій голосъ Ломутова, уцѣпившагося за обломокъ мачты:

— Не развращайте толпу, товарищъ, ложными увѣреніями. Ни вы, ни я не потонемъ. Насъ съѣсть акула.

— Пріятнаго аппетита, — простоналъ сбоку какой то несчастный пассажиръ, захлебнулся и исчезъ.

— Калединецъ, — хмуро покачалъ головой Типакинъ.

— Корниловецъ, — поправилъ Ломутовъ — хотите кусокъ моей мачты?

— Я не знаю, — пробормоталъ Типакинъ, выплюнувъ соленую воду можно ли воспользоваться обломкомъ империалистическаго корабля? Нарождается новая культура и врядъ ли мы...

— Я боюсь, — осторожно замѣтилъ Ломутовъ, удобнѣе усаживаясь на мачтѣ, — что пока культура правящаго нынѣ класса успѣетъ достатоно развиться и окрѣпнуть, васъ хорошо прожуетъ голодная акула...

Сошлись на томъ, что мачта была признана націонализованной и отдана въ общее пользование всѣмъ трудящимся: Типакинъ тоже сѣлъ верхомъ на нее и съ облегченіемъ вздохнулъ. Дальнѣйшій путь продолжался спокойно и нормально: Типакинъ и Ломутовъ выбрали изъ своей среды исполнительный комитетъ, усѣдись въ томъ, что у нихъ нѣтъ съ собой никакой пищи, а Типакинъ, пользуясь предоставленной ему властью, обратился къ небольшой группѣ пльвшихъ около мачты акулъ съ краткимъ официальнымъ извѣщеніемъ:

— Всѣмъ акуламъ даннаго района. Употребленіе въ пищу человѣческаго мяса впредь, до особаго извѣдомленія, воспрещается.

Акулы были чрезвычайно раздосадованы и уплыли обратно. Одна изъ нихъ, съ какимъ-то утопленникомъ въ рукахъ, поплыла за мачтой дальше, но потомъ вздохнула и, подчичившись, стала закусывать подъ водой.

А къ утру мачта стукнулась о песчаный берегъ одного изъ самыхъ неизслѣдованныхъ острововъ Малайскаго Архипелага.

* * *

— Акулы передали насъ въ надежное мѣсто — уныло сказалъ Типакинъ: — здѣсь кажется насъ съѣдятъ съ такимъ-же аппетитомъ. Я не люблю когда ѣдятъ марксистовъ.

— Тѣмъ болѣе ортодоксальныхъ, — подтвердилъ Ломутовъ, — нужно будетъ перевоспитать туземцевъ. Погрязшіе въ тинѣ буржуазной культуры, они получаютъ отъ насъ новое славо о грядущей пролетарской культурѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ—скульптурѣ, музыкѣ, пѣніи, литературѣ.

— Да здравствуетъ «Пролеткульты!» — согласился Типакинъ.

— Именно, — примиряюще добавилъ Ломутовъ. — Почему-бы ему не здравствовать?

Какъ разъ въ этотъ моментъ, изумленное прибытіемъ новыхъ людей, населеніе острова собралось и приблизилось къ Типакину и Ломутову.

— Зачѣмъ вы пріѣхали къ намъ? — спросилъ главный вождь островитянъ. — У насъ и безъ васъ много пищи.

— Ыщите ее сами. Мы пріѣхали васъ культивировать.

Радость населенія не поддавалась бы описанію. Старики плакалъ навзрыдъ, дѣти катались по землѣ въ судорогахъ. Взрослые мужчины сжали черными руками черныя-же головы и глухо простонали:

— Культивируйте. Гдѣ наше не пропадало. Валяйте.

— Ломутовъ! — взволнованно произнесъ Типакинъ — намъ предстоитъ честь культивировать этихъ людей. Пролетарское искусство, пролетарская литература, пролетар... Духъ захватываетъ!

* * *

Черезъ нѣсколько дней Типакинъ сидѣлъ среди группы туземцевъ и училъ:

— Прежде всего, граждане, нужно завести борьбу классовъ.

— Если это не очень больно, вѣжливо отвѣтили туземцы, — заведемъ. Сегодня четвергъ — къ субботѣ будетъ готово. Научи, какъ это сдѣлать.

— Для этого хорошо если бы среди васъ были марксисты... Марксистъ — это такой человекъ, который присматривается къ окружающей его обстановкѣ, старается путемъ научнаго метода выяснитъ сущность фактовъ происхо...

— У насъ былъ одинъ человекъ, — перебили туземцы. — который разговаривалъ съ рыбами на берегу и училъ бабочекъ курить...

— Это не то. Есть у васъ земледѣльческое населеніе?

— Есть. Великолѣпное. Какъ въ приличномъ домѣ.

— Ну-съ, для этого, граждане, нужно, чтобы произошла націонализация т. е. обнищаніе. Обнищаете, братцы?

— Есть. — Хоромъ отвѣтили туземцы. — Ко вторнику.

— Потомъ должна произойти пролетаризация. Чтобы, значитъ, которые мелкіе собственники къ крупному пошли работать... Потомъ концентрація — чтобы все въ одни руки... Сдѣлаете?

— Сдѣлано. Къ будущей пятницѣ. А, можетъ, безъ этого можно?

— Никоимъ образомъ, — строго отвѣтилъ Типакинъ, — какая-же это культура, ежели безъ борьбы классовъ? Сказано вамъ, черти, что культура — это результатъ борьбы классовъ, а вы не понимаете... Будетъ пролетаріатъ у васъ — пролетарскую культуру создадимъ...

— Ура! — въ паникѣ откликнулись туземцы. — Валяйте!

* * *

Не прошло и двухъ недѣль, какъ подъ опытнымъ наблюденіемъ Типакина и Ломутова цвѣтущій дикій островокъ превратился въ культурное, хотя и маленькое государство: десять человекъ перестало работать и начало вырождаться, а остальные четыреста ходили голодные, обрабатывали ихъ землю и покупали свои-же кокосовые орѣхи у чужихъ людей. Десять бездѣльниковъ уже поговаривали о томъ, что пора завести собственнаго Распутина для возбужденія массъ и собственныхъ евреевъ для погрома.

— Пора, товарищъ, — предупредилъ Ломутовъ, — почва подготовлена. Теперь можно заняться борьбой съ буржуазной культурой.

— Займемся, — охотно согласился Типакинъ — Литература-то у нихъ есть?

— Никакого признака. Цѣлый островъ — и хотя-бы маленькая собственная Вербицкая.

— Лѣпятъ?

— И не думаютъ. Гипсъ попадется — съ птичьимъ саломъ съѣдятъ.

— Рисуютъ?

— Пальцами на собственных ляшках, да и то больше слѣдуя приличіямъ моды.

— Поютъ?

— Много и долго. Очень нехорошо поютъ. Каждый человекъ — „Музыкальная драма“.

— Придется бороться съ буржуазными элементами въ пѣсняхъ.

— Поборешься тутъ... Вотъ самая популярная пѣсенка:

Ахъ,
Какъ
Пріятно съѣсть живѣй врага—
Вродѣ пирога.

Пойми тутъ: что это буржуазная пѣсня, или пролетарская?— у нихъ всѣ враговъ лопаютъ.

— Нужно съ ними поговорить. Зови!

* * *

— Поете, граждане?

— Поемъ,— испуганно отозвались туземцы— если это противорѣчитъ пролетарской культурѣ— бросимъ.

— Ничего, ничего, пойте. А что поете?

— Разное поемъ. Хочешь послушать?— и туземцы запѣли:

— У птичекъ много мѣсть;
Добавимъ къ слову—
Птичка зернышко лишь съѣсть—
Человѣкъ корову.

— Не правильно это,— строго замѣтилъ Типакинъ,— никакой классовой психики не чувствуется— нужно пѣть такъ:

У птичекъ много мѣсть—
На что это похоже!
Насъ буржуй, конечно, съѣсть.
И мы его тоже.

— Есть и праздничная,— докладывали туземцы,— только совсѣмъ простенькія—

Сидитъ заяцъ на заборѣ,
А слонъ за оградой—
Я забылъ сегодня горе,
Свое сердце радую...

— И это нескладно,— замѣтилъ Типакинъ,— нужно, чтобы борьба классовъ чувствовалась, больше энергіи... Вотъ такъ:

Сидитъ заяцъ на заборѣ:
Я его обрадую—
Я къ нему пушу буржуя—
Сдохнетъ за оградой.

Не прошло и трехъ дней, какъ туземцы бросили свои мирныя пѣсенки и пѣли новыя, размахивая дубинами, подъ окнами у десяти бездѣльниковъ. Тѣ, въ свою очередь, сидѣли въ шалашахъ и пѣли наскоро сложенную пѣсенку:

— Молока ужъ нѣтъ въ коровушкѣ,
Нагулялась на свободушкѣ.
Какъ поплю я нынче кровушки
У свово ли у народушки...

Типакинъ и Ломутовъ сидѣли подъ кактусомъ и радовались:

— Полный ансамбль,— весело говорилъ Ломутовъ— тутъ тебѣ и классовая борьба и классовыя перегородки и обособленіе искусствъ... Здорово?

А ужъ гдѣ-то сбоку каменными топорами вытесывали изъ баобаба статую Маркса и старыя туземки несли къ ней барановъ, чтобы жертвой вымолить у новаго бога спасеніе отъ болотной лихорадки...

* * *

Въ тихую лунную ночь, когда весь океанъ засвѣтился голубоватымъ фосфорическимъ свѣтомъ, двѣ старыя акулы выплыли на поверхность и поплыли за кормой парохода, увозившаго Типакина и Ломутова обратно въ Россію.

— Когда я была еще дѣвочкой,— вздохнувъ, сказала одна изъ акулъ,— я могла съѣсть вотъ этихъ двухъ мужчинъ, которые стоятъ на верхней палубѣ. Они тогда плыли на мачтѣ... Но я догадалась, что они попадутъ на одинъ островъ и откроютъ тамъ отдѣленіе „Пролеткульта“...

— И почему-же все таки ты ихъ не съѣла...

— Ахъ,— отмахнулась плавникомъ старая акула,— ты-же знаешь, что я давно собиралась чѣмъ-нибудь напакостить этому острову...

Аре. Буховъ

ЦѢННОСТИ.

Старая погудка на новый ладь.

Буржуй: — А у насъ Пушкинъ есть...

«Пролеткультъ»: — А къ намъ Ясинскій пришелъ.

Буржуй: — А у насъ Лермонтовъ и Гоголь есть...

„Пролетк.“ — А къ намъ Ясинскій пришелъ...

Буржуй: — А у насъ Тургеневъ, Некрасовъ, Салтыковъ, Достоевскій...

«Пролетк.»: — Мертвые все! А къ намъ живой Ясинскій пришелъ!

Буржуй: — А у насъ Андреевъ, Купринъ, Мережковский, Короленко...

«Пролетк.»: — А къ намъ... Ясинскій... пришелъ... Онъ всѣхъ вашихъ... націонализируетъ.. (плачетъ...)

* * *

— А у насъ Брюлловъ есть.

— А къ намъ Натанъ Альтманъ пришелъ!

— А у насъ Боровиковскій, Крамскій, Полѣновъ есть!..

— А къ намъ Натанъ Альтманъ пришелъ!

— А у насъ Рѣпинъ, Левитанъ, Сѣровъ есть...

— А къ намъ Натанъ Альтманъ пришелъ!

— А у насъ Бакстъ, Бенуа, Сомовъ, Добужинскій есть!..

— А къ намъ... Натанъ Алатманъ... пришелъ. Онъ возьметъ ведро краски и всю вашу буржуазную мазню перемажетъ на первомайскіе плакаты! (плачетъ)

* * *

— А у насъ Щепкинъ, Мочаловъ, Каратыгинъ есть...

— А къ намъ Мейерхольдъ пришелъ!

— А у насъ Южинъ, Ермолова, Лешковская, Садовская есть...

— А къ намъ Мейерхольдъ пришелъ...

— А у насъ Миронова, Грановская, Монаховъ есть...

— А къ намъ... Мейерхольдъ... пришелъ... Онъ всѣ ваши буржуйные театры для районнаго совдепа реквизируетъ... (плачетъ особенно горько и безысходно).

Длинный Томъ.

Рис. Н. Радлова

В ХОТ БУРЖУЯМ ВОСПРЕЧАИЦА.

Нѣкто, охраняющій входы.

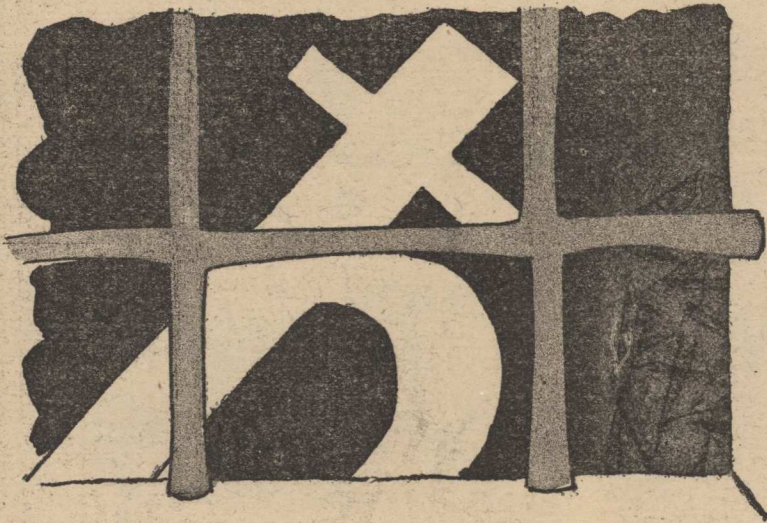
1. Выходной туалетъ русского матроса. 2. Вечерній туалетъ кухарки -- изъ богатаго пролетарскаго дома.
3. Костюмъ комиссара. (Модель 1918 г.). 4. Костюмъ русскаго генерала.

Пролеткультная танцулька Выборгского района.

Пролетарское танго.

Рис. К. Г.

АПОЛЛОНЪ НА ТАНЦУЛЬКЪ.

Стоялъ, не смѣя заглянуть,
У размалеваннаго входа,
Среди гудящаго народа
Внезапно оборвавши путь.
Свѣтили мутно фонари,
Кривыя буквы на афишѣ
Вѣщали хоромъ въ грязной нишѣ
Гостямъ веселье до зари...

Мелькали кепки, котелки,
Въ платочкѣ радужнаго ситца
Визжала тощая косица
Отъ шутокъ дружеской руки.
А онъ стоялъ, смятенный богъ,
Любимецъ Зевса и Латоны,
И слушалъ, какъ хрипятъ тромбоны
Взнуздавши плясомъ сотни ногъ.

Потомъ вошелъ и сталъ въ углу,
За стойкой чайнаго буфета.
Взглянулъ на пиво, на котлеты
И на сухую пастилу;
Прижалъ покрѣпче свой колчанъ,
Глухой отъ топота и стука,
Поправилъ тетиву у лука
И опустилсѣ на диванъ.

Гармошки взвизгнули, шая.
Помчались пары безъ оглядки,
Нахмуривъ лбы, мозоля пятки
По кругу дѣлать кренделя.
Фаготъ урчалъ какъ песь:—не троны!
Дразнили трубы-забѣяки.
А дирижеръ въ пятнистомъ фракѣ
Весь въ мылѣ, ржалъ „а юнъ колонъ“!

Пещерный, страшный человѣкъ,
Воткнувши красную гвоздику,
Оскаливъ зубы, неся съ гикомъ,
Не поднимая темныхъ вѣкъ...
А Аполлонъ блѣднѣлъ и гасъ.
Незримый зритель у буфета,
Онъ ждалъ, божественный, секрета,
Что русскій Вакхъ оокрыль отъ глазъ.

Кричали женщины—„пусти“,
Въ туманѣ льдины люстръ дрожали
Подсолнухи и серпантины
Вступали въ битву съ конфетти.
Когда ужъ день припалъ къ окну,
И ночь вернулась въ тайны лоно,
Не стало бога Аполлона—
Къ восходу свѣтлый плащъ взметнулъ...

И лишь какой то котелокъ,
Стрѣлу найдя въ пыли паркета,
Швырнулъ ее въ лучахъ разсвѣта,
Стуливъ на меркнушій порогъ...

Александръ Флитъ.

НАУКА И ПРОЧЕЕ.

„Характеръ работы пролеткульта
и ея направленіе въ данное время
достаточно опредѣлились...“

(Изъ „Красн. Газеты“).

Въ виду того, что пишушій эти строки, не является специалистомъ по народному просвѣщенію, скромно закончивъ свое высшее образование тремя классами реального училища, и прочитавъ по педагогическимъ вопросамъ только одну брошюру англійскаго путешественника Ричмонда „Школа людоѣдства на островахъ Ново-Гебридскаго архипелага“,—въ виду сего пишушій эти строки считаетъ своимъ долгомъ освѣтить „Пролеткултъ“ только съ чисто фактической стороны.“

Я приведу только факты, хотя бы товарищъ Миша, читающій курсъ эстетики въ Новозыбковскомъ совдепѣ протестовалъ и говорилъ— „тѣмъ хуже для фактовъ“.

I. Лекціи.

Тов. Пупенко читаетъ исторію новой философіи въ связи съ общимъ развитіемъ наукъ, съ 6 час. веч. Буржуямъ не приходится. Семестръ — 4 р. 50 к.

Тов. Циндюкъ, „Пушкинъ и заработная плата“. Солдатамъ безплатно. Просятъ не выражаться.

Извѣстный пролетарскій беллетристъ тов. Гебридовъ. „Исторія всемирной древней и не древней литературы.“ Курсъ 2 часа. Плата по соглашенію. Можно продуктами.

Тов. Зоя Гундилевичъ. „Соціализмъ какъ положительное ученіе.“ Работникамъ половинная плата; анархистамъ и не-трезвымъ не приходится.

Тов. Качунъ. „Вообще о сознательныхъ“. Даромъ.

II. Лекторы.

Молодой безработный человѣкъ, обладающій хорошимъ аппетитомъ и безуспѣшно пытающійся получить мѣсто въ комиссариатѣ, — однажды возвращается домой радостный и ликующій.

— Сдѣлано! Будетъ радость. Пообѣдаемъ.

Молодой человѣкъ приходитъ къ комиссару народнаго просвѣщенія:

— Слушайте, комиссаръ, вы думаете, что лекціи по философіи можете читать вы, а по литературѣ не могу читать я?

— Я не знаю васъ...

— Развѣ вы можете знать всѣхъ талантливыхъ людей? Ну одинъ разъ Пушкинъ, другой разъ Достоевскій. Россія велика. Всѣхъ не запомнишь.

— Вы правы...

— Конечно, правъ! Дайте мнѣ кусокъ Пролеткульта.

Молодой человѣкъ получаетъ кусокъ Пролеткульта и приступаетъ къ занятіямъ. У него много слушателей, пытливыхъ, жаждущихъ знанія, стремящихся къ свѣту, наполняющихъ большую аудиторію реквизируемаго особняка.

III. Литература.

—...„Въ прошлый разъ, товарищи, мы остановились на Софоклѣ, теперь схватимъ Эсхила. Мѣстная профессиональная организація сценическихъ труженниковъ и прочія соціальныя условія наложили большую печать на его творческій фокусъ. Когда онъ начинаетъ со всѣми своими подробностями показывать всякія страстности, такъ рабочему человѣку вообще это не подходитъ. Что намъ Греція! Я оставляю въ сторонѣ империалистическую политику мѣстной буржуазіи. Незрелой пролетаріатъ, слабая промышленность,—все это не даетъ намъ нашихъ эмоцій. Что же касается его сюжетовъ, то какъ правильно на прошлой лекціи замѣтилъ товарищъ Петровъ,—старый режимъ рабочему классу не нуженъ...“

IV. Концерты.

Иногда Пролеткульт устраивает вечера.

Зовут фарсового актера и предлагают ему пропѣть въ честь Карла Маркса.

— Въ костюмѣ?

— А какъ же?..

— Да я не знаю. Вотъ въ „Спальномъ вагонѣ“ или „Дѣвушка съ мышкой“ никакого костюма не полагается...

Мѣстный комитетъ ставитъ вопросъ о необходимости костюма на голосованіе, и большинствомъ голосовъ, при одномъ воздержавшемся, рѣшаетъ обязать фарсового актера пѣть въ честь Карла Маркса куплеты „А у насъ наоборотъ“ и „Когда портился машинка“ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ пролетарскаго приличія, въ наглухо застегнутомъ пиджакѣ.

Актеръ пріѣзжаетъ въ день концерта, добросовѣстно поетъ, получаетъ гонораръ и, уходя, барабанить:

— Немного маловато... Въ „Кино-Арсъ“ платятъ больше. Но для перваго знакомства, такъ сказать, — наше вамъ съ кисточкой.

V. Выводы.

Пролеткультъ работаетъ. Тамъ читаютъ, пишутъ, поютъ, танцуютъ, играютъ на балалайкахъ, на гусляхъ, изучаютъ философію.

Одинъ умный человекъ когда то сказалъ:

„Можно, конечно, обучить быка игрѣ ва арфѣ, можно, — но не стоитъ“.

Вор Мирскій.

МЕЙЕРХОЛЬДЪ.

Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милого лица... * * *

Не удивительно ли, что слово хамелеонъ начинается такими пророческими тремя буквами?

Изъ лѣнливыхъ наблюдений.

Лицо первое.

— Господинъ Теляковскій! Тамъ васъ на кухнѣ человекъ спрашиваетъ.

— Какой человекъ?

— Богъ-е знаетъ. Говоритъ—Мейерхольдъ. Одѣтъ прилично, а претъ прямо съ чернаго хода.

— Чтѣ же ему нужно?

— Говоритъ—къ вашей милости. Наниматься пришелъ.

— Зови.

— ...Имѣю честь почтительнѣйше кланяться, ваше многуважаемое высокопревосходительство.

— Что скажете, голубчикъ?

— Работишки нѣтъ ли какой въ театрахъ Его Императорскаго Величества Государя Николая II, самодержца Всероссийскаго, нашего обожаемаго монарха.

— Работишки какъ не найтись, но вѣдь вы, говорятъ, модернистъ... Разныхъ „сестеръ Беатрисъ“ на какіе-то квадраты разбиваете...

— Нечаянно, ваше высокопревосходительство разбилъ. Больше не буду.

— Студіи какіе-то, говорятъ, заводите, въ Бога не вѣрите...

— Напрасно вы забиждать изволите. Передъ образомъ завсегда неугасаемая лампадка, и могу также вамъ, хоть Отче-нашъ въ сукнахъ поставить. Желая работать на вѣру, царя и отечество.

— Мнѣ надо чтобъ реальные бытовые тона, безъ штукъ и загогулинъ.

— Потрафимъ въ лучшемъ видѣ! Не извольте беспокоиться!

Лицо второе.

— Александръ Федоровичъ! Васъ тамъ въ малахитовомъ залѣ какой-то человекъ дожидается.

— Иду, иду. А-а... Здравствуйте, товарищъ Мейерхольдъ. Чѣмъ могу?

— Здравствуйте, товарищъ Керенскій. О, какъ счастливъ я стоять передъ этой гордостью и надеждой молодой, свободной Россіи! Эв-вива, Гарибальди! Аллонъ занфанъ!..

— У васъ ко мнѣ дѣло?

— О! Раньше, вѣрите ли, товарищъ Керенскій, я задохался въ тискахъ затхлаго самодержавія среди всѣхъ этихъ гнусныхъ Теляковскихъ, среди повальнаго раболѣпія и пресмыкательства. Но теперь! Работа въ освобожденныхъ вашей могучей рукой театрахъ! Вы знаете, товарищъ, у меня все время въ сердцѣ жила „любовь къ тремъ апельсинамъ“.

— То есть? Я не понимаю немножко...

— Три апельсина, это три ипостаси освобожденной вами Россіи: свобода, демократія и этого... ну еще чтонибудь третье, хорошее... (неожиданно) Третій апельсинъ вы!

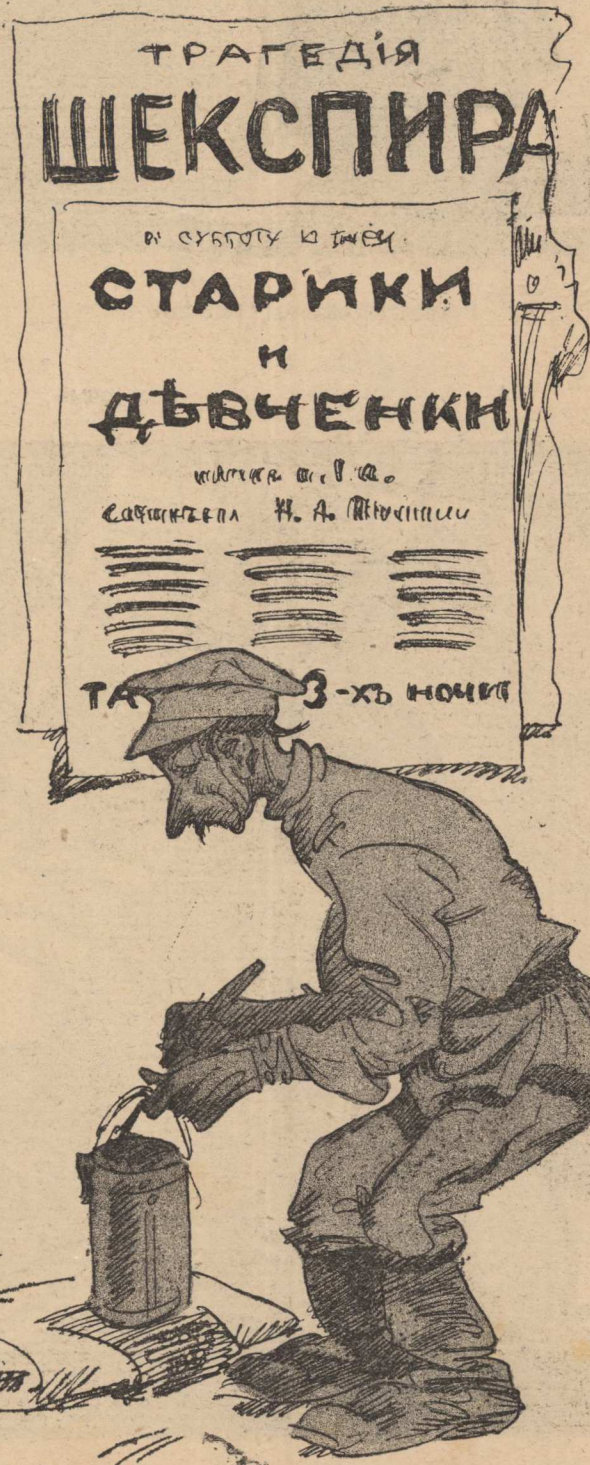
— Мнѣ неловко, право... Вы что же работать въ нашихъ театрахъ хотѣли?

— Вотъ именно, замѣчательно сказано! Работать! Какое это сладкое, святое слово—работа! Я знаю—вы вознесете театры на недосягаемую высоту. А царішку этого, между нами говоря, очень даже хорошо, что вы сковырнули. Не любилъ я его, хе-хе. Только и дѣлалъ, что угнеталъ народъ. Какъ не стыдно право... Такъ я ужъ и въ Александринку и въ Маринку, хе-хе...

Лицо третье.

— Товарищъ Каменева! Мейерхольдъ васъ тамъ спрашиваетъ.

— Зачѣмъ?

Довлѣтъ дневи злоба его...

Новоскольцевъ. „Гермогенъ“.

Кнаусъ. „Я подожду“.

В. Васнецовъ. „Каменный вѣкъ“.

Буше. „Купальщица“.

«Я подожду».

«Каменный вѣкъ».

«Купальщицы».

— Странный онъ какой-то! Я, говоритъ, всю жизнь стоялъ на совѣтской платформѣ! Я говоритъ, буду грабить награбленное.

— А - а... Впустите его.

— Товарищъ Каменев! Наконецъ-то я стою передъ вами, передъ этой красой и гордостью русскаго театра! О, сладкій мигъ! Долой десять министровъ капиталистовъ! Здорово вы сдѣлали, что Керенскому по шеѣ дали. Жалкій былъ человѣчишко, типичный соглашатель и едва ли не корниловецъ! Уронилъ театры на недосягаемую глубину.. А у насъ, товарищъ Каменев, запляшутъ дѣсь и горы. И я, какъ чувствовалъ—всегда была любовь къ тремъ апельсинамъ: къ Дыбенко, къ Колонтай и къ этому... къ вашему уважаемому мужу...

— А... чего бы вы хотѣли?

— Натурально: дайте мнѣ мандатъ, кооптируйте меня, делегируйте, инспирируйте—и я моментально всѣ театры реквизирую, национализирую, мейерхольдизирую. Все разобью на квадраты, трегій интернаціональ въ сукнахъ поставлю! Если сынишка у меня будетъ — Пролеткультомъ назову. Все для народа! У меня король Лиръ съмечки будетъ грызть, Гамлега на гармошкѣ заставлю играть. Ходи изба, ходи печь, вихри враждебные воютъ надъ нами, но и мы не правой ногой сморкаемся, а исключительно лѣвой! Дозвольте ручку, русская Рашель!

Лицо четвертое.

Въ зависимости.

Театральная Крыса.

СОСТАВЛЕНИЕ „ПРОЛЕТКУЛЬТНОЙ“ ПОДРАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Рис. В. Лебедева.

— Вы кто будете? Пушкинъ, Гончаровъ, Лермонтовъ? Камеръ-юнкеровъ, помѣщиковъ и бѣлогвардейцевъ—не принимаемъ безъ мандаговъ отъ товарища Луначарскаго.

ПО НЕКРАСОВУ.

Рис. Б. Антоновскаго.

Послѣ разгрома усадьбы.

...Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесли...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Царь Эдипъ на лопаткахъ.

Важно для Пролеткульта! Вниманіе!
Что читать и пѣть народу!

Въ чемъ заключается особое пролетарское искусство, которое по требованію многомудрыхъ большевиковъ должно отмежеваться отъ буржуазнаго искусства!!

„Петрогр. Голосъ“ сообщаетъ:

Культурносъ въ нашихъ широкихъ „народныхъ“ массахъ особенно ярко сказалась на первомъ представленіи „Царя Эдипа“ въ циркѣ Чинизелли.

До сихъ поръ въ циркѣ происходила борьба, и вотъ едва начался спектакль, какъ съ галерки послышались крики: „Давайте намъ Луриха“, „Не надо спектакля, давай борьбу“ и т. д.

Подобные крики неслись съ галерки въ продолженіе всего спектакля.

Итакъ—пролеткультъ лишній разъ доказалъ свою мощь, положивъ въ сотрудничествѣ съ Лурихомъ на обѣ лопатки империалистическаго царя Эдипа...

Путь къ веселью.

Впрочемъ, можетъ быть, Луриха, взамѣнъ царя Эдипа, требовалъ несознательный пролетариатъ.

Сознательный пролетариатъ ищетъ болѣе разумныхъ, чѣмъ Лурихъ развлеченій.

Въ этомъ отношеніи примѣръ изысканно веселаго красноармейца Павлова заслуживаетъ всеобщаго восхищенія: около д. № 25 по Тарасову пер. былъ задержанъ красноармеецъ Павловъ за бросаніе на улицѣ ручныхъ гранатъ, къ счастью не причинившихъ никому никакого вреда. Задержанный объяснилъ, что бомбы имъ были брошены для собственнаго развлеченія.

Поистинѣ, красноармеецъ Павловъ—душа общества...

Чтобы повеселить себя и другихъ—онъ готовъ разорваться.

Душка-Гординъ.

Черты изъ „жизни замѣчательныхъ людей“.

Анархистъ Гординъ по сообщенію „Голоса“:

строгий вегетарианецъ и въ отношеніи ѣды довольствуется немногимъ: питается, преимущественно, сырыми овощами (свеклой, капустой).

Вареной говядины не любитъ: она напоминаетъ ему трупъ.

Иногда свое „заячье“ меню онъ разнообразитъ коробкой консервированныхъ овощей и кусками твердой, какъ камень, галеты.

Въ баню не ходитъ уже тринадцать лѣтъ, считая ее буржуазной затѣей.

По тому ли, что Гординъ не ходитъ въ баню или по другой таинственной причинѣ, но Гординъ сочиняетъ анархическіе стихи.

Цитируемъ ихъ:

Капиталь въ процессъ,
Жди пришествія Мессіи.
Онъ въ концентраціи,
Тише! кушаетъ ко яціи.
Процессъ спать ложился—
Не совокупился,
Такъ изволь-ка подождать:
Дай процессу духомъ то-зачать.

Да... Великое дѣло—баня.

Тяжко безъ нея непромытымъ мозгамъ.

Умѣнье вести хозяйство.

Рабочіе „націонализировали“ Коломенскій заводъ.

На съѣздѣ представителей націонализированныхъ предприятий, выяснилось, что:

на Коломенскомъ заводѣ расходы въ мѣсяцъ 5½ чилл. рублей, а стоимость производства всего полъ-милліона.

— Дорого стоитъ сія чистота,—говорилъ Мермоладовъ въ „Преступленіи и наказаніи“ о своей несчастной дочери Сонечкѣ.

— Дорого стоитъ сей „соціализмъ“,—вздохнемъ мы.

Такъ себѣ, сообщенице...

„Новая Жизнь“ пишетъ:

Въ богоспасаемой „красной коммунѣ“ германскій дипломатъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Вечернихъ Огней“—въ пятницу 10 мая—общаетъ „весьма скоро“ приступить къ „обезвреживанью“ „враждебныхъ газетъ“.

На другой день петербургскія власти закрываютъ „Новый Лучъ“, „Нашъ Вѣкъ“ и „Современное Слово“.

Удивительный случай.

На засѣданіи Совѣта Петрогр. коммуны:

Съ докладомъ о колпинскихъ разстрѣлахъ выступаетъ Мега-ладзе—представитель комиссіи Петроградскаго Совѣта, производившій разслѣдованіе въ Коляинѣ.

Что касается разстрѣланнаго Потемкина, то комиссія такъ и не установила, какой пулей онъ былъ убитъ. По мнѣнію докладчика онъ по всей вѣроятности „самъ напоролся на пулеметъ“.

Еще на штыкъ напоротья—мы понимаемъ... Это штука острая. Но какъ человѣкъ можетъ „напоротья“ на скромный молчащій пулеметъ—мы теряемся въ догадкахъ.

Навѣрное, дѣло было такъ: Петемкинъ подошелъ къ пулемету, выковырялъ изъ ленты пулю, всунулъ ее себѣ въ животъ, легъ и тихо скончался, славословя умницу Магеладзе.

Игра „на арапа“.

Азартнаго дѣла людишки:

„Знамя Борьбы“ возвѣщаетъ міру, что лѣвые эсеры какъ и А. Луначарскій, предпочитаютъ игру въ банкъ игрѣ въ дуръчки“.

Въ особенноти легко и пріятно играть въ банкъ, когда на чужіе капиталы играешь.

Риска особаго нѣтъ.

Въ случаѣ проигрыша можно пожать плечами и, приплясывая, отойти отъ карточного стола.

Начало конца.

Я вновь предъ тобою стою очарованъ...

На аукционѣ въ сб—въ прощренія художествъ за гроши прошли изумительные барельефы такого столпа скульптуры какъ незабвенный гр. Ф. П. Толстой. Дешево прошли очаровательныя статуэтки молодого А. Вернера. Совсѣмъ даромъ шли Дмитриевъ-Кавказскій, Степановъ, Навозовъ, Цейдлеръ, Линдеманъ, Гефтеръ, Бухгольцъ, Рыловъ, Рерихъ, Александръ Велуа, Зарубинъ, Афанасьевъ, Врублевскій, Дубовской, Юрій Рѣпинъ, Бакстъ (!), Крачковскій Бродскій, Химона. (Каковъ букетъ именъ!).

Но вотъ появился этюдъ „Городовой“ Вахрамѣева...

Публика увидала городоваго. Настоящаго городоваго въ стилѣ, епріге и устроила ему бурную овацію.

Долгое время изъ-за аплодисментовъ аукционистъ не могъ начать своего дѣла. А начавъ, долгое время не могъ кончить, потому что цѣны на блюстителя власти поднимали бѣшено.

И когда его оцѣнять на вѣсь золота—онъ явится, живой, изъ мяса и костей, и будетъ тогда великое всероссійское заушеніе...

Финское.

Освобожденные рабы:

Въ газетѣ „Uusi Raiva“ было напечатано, что русскіе до сего времени имѣютъ нахальство „чавкать“ по русски, на Эспланадной улицѣ и высказывалось пожеланіе, чтобы разговоръ по русски былъ воспрещенъ въ Гельсингфорсѣ.

Не знаемъ, „чавкають“ ли русскіе на Эспланадной улицѣ, но мы слышали своими ушами, какъ финны хрюкали на Невскомъ проспектѣ и никто ихъ не загонялъ за это въ хлѣвъ...

Исторія съ историкомъ.

Мала куча—крыши нѣту:

Въ бутырской тюрьмѣ въ Москвѣ сидитъ престарѣлый забытый всѣми профессоръ исторіи Иловайскій, авторъ извѣстныхъ учебниковъ исторіи.

Выяснилось, что онъ былъ арестованъ на прошлой недѣлѣ по доносу своей кухарки не то за контръ-революцію, не то за храненіе припасовъ. При обыскѣ у него ничего не было найдено. Кухарка показала, что баринъ вмѣстѣ съ барыней часто ходятъ по вечерамъ въ кинематографъ.

Обвиненіе по нынѣшнимъ временамъ тяжелое.

Бѣдняга! Сочинялъ всю жизнь хорошую исторію, а самъ попалъ въ скверную.

Фабрика большевизма.

Совдепное просвѣщеніе въ неоккупированной части Могилевской губерніи:

экзаменовъ въ ср. уч. заведеніяхъ вовсе не было и гимназисты и гимназистки получили свидѣтельства по удостовѣреніи мѣстнымъ совѣтомъ р. и с. деп. ихъ политической зрѣлости (!).

Разсужденіе правильное: хотъ и дуракъ, хотъ и невѣжда—зато партійный дуракъ, зато архиреволюціонный невѣжда...

Тьма Египетская.

Если египтологи натолкнутся когда нибудь на слово „Облискомзапъ“—они голову себѣ сломаютъ на этомъ словѣ.

А слово это простое: Исп. Ком. Сов. Зап. Обл.

Также пріятное впечатлѣніе производитъ подпись подъ декретами о продовольствіи:

— «Наркомпродъ Цюрупа».

Энтотъ прокормить!

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивая Государыня, Госпожа Редакція!

Я виноватъ.

Я позволилъ себѣ то, чего никогда не дѣлалъ. Я подсунилъ въ настоящей „Пролеткультній“ номеръ свой старый фельетонъ, напечатанный восемь лѣтъ тому назадъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“...

Фельетонъ называется „Русскіе калифорнійцы“.

Это ужасно.

Самое же ужасное то, что я почти ничего не измѣнилъ въ своемъ старомъ фельетонѣ...

Только у меня раньше рѣчь шла о „Земщинѣ“ и о Марковѣ II, а теперь я только поставилъ въ первомъ случаѣ „Пламя“, во второмъ „Луначарскій“.

Это нехорошо—печатать свои старые фельетоны.

Но не виноватъ же я, что какъ раньше Марковъ II былъ офиціознымъ лицомъ—такъ теперь и Луначарскій офиціозное лицо... И какъ раньше „Земщина“ никому не была нужна, была сѣра, тосклива и никто ея не читалъ, такъ и теперь „Пламя“ сѣро, тоскливо и никому оно не нужно, никто его не читаетъ. И какъ раньше на „Земщину“ преступно тратились народныя деньги, такъ и теперь остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ.

Архидіа Аверченко.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Отвѣты „Пролеткульту“).

А. Петроградъ.

Иерониму Ясинскому.—Зайдите въ редакцію нашей „Правды“. Получите мандатъ на званіе перваго писателя земли русской. Кооптируемъ въ Пантеонъ съ правомъ рѣшающаго голоса.

Янъ у Онуфееву.—Будьте внимательнѣе, товарищъ. Опять перепутали. Въ нашу „Красную Газету“ дали оборонческую, антиинѣмецкую статью, а написанную вами для насъ большевистскую—опять, очевидно, загнали въ другое мѣсто.

Не путайте.

Нат. ну Альт ану.—Просимъ зайти лично въ редакцію нашего „Пламени“ и указать гдѣ верхъ, гдѣ низъ вашего рисунка, а также получить за него тысячу рублей.

Салтыкову-Щедрину.—Исторіи города „Глупова“ напечатать не можемъ. Изображенныя въ ней нравы петроградской коммуны считаемъ на половину преувеличенными.

Вилл. Шенспиру.—Собраніе сочиненій не можемъ напечатать, т. к. коломенскій районный совдепъ заявилъ протестъ по поводу империалистическаго уклона вашего творчества. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое: „Король Лиръ“, „Принцъ Гамлетъ“, „Король Ричардъ“. Видно сильное вліяніе правыхъ эсеровъ и меньшевиковъ. Гоните ихъ въ шею.

Село Михайловское (провинція). Наталья Пушкиной.—По справкамъ, вашего мужа на Гороховой, 2—нѣтъ. Послѣ допроса онъ препровожденъ въ Кресты.

Ваддью Бу гарину.—Условія подходятъ. Зайдите въ редакцію.

Яс. ая Поляна.—Товарищу Льву олтому.—Получили вашу рукопись „Не могу молчать“. Если не можете молчать—товарищъ Володарскій научить.

Завѣд почтов. ящикомъ. М. лютеа Скуратовъ

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
А. С. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88.—Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМСРА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

1940 г.
Д. Амун СМЗ

КОМУ ВОЛЬГОТНО. ВЕСЕЛО ЖИВЕТСЯ НА РУСИ..

Рис. В. Лебедев.

Театральный съезд новой аристократии...

67/1993